

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ



УДК 94.070(470.6)

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-3-53-61>



Портрет героя: «знатные люди» Азово-Черноморского края в изображении советской прессы (1934–1937 гг.)

Н.В. Шишова^{ID}✉, В.А. Бондарев^{ID}

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ nshishova@donstu.ru

Аннотация

Введение. В представленной публикации освещается деятельность советской прессы как одного из важных инструментов социальной инженерии, направленной на создание в СССР генерации «новых людей», – строителей социализма и приверженцев коммунистической идеи. Научно-теоретическая актуальность данной проблемы обусловлена недостаточным (и зачастую тенденциозным и политизированным) освещением ее в литературе. Указанная тема обладает и прикладным значением, поскольку накопленный в СССР опыт патриотического воспитания подрастающих поколений востребован и в наши дни. Цель работы – рассмотреть характеристики формировавшегося в СССР в 1930-х гг. «нового человека» и проанализировать методы, используя которые редакции советских периодических изданий содействовали его созданию.

Материалы и методы. Статья базируется на материалах Азово-Черноморского края, который в силу наличия крупных сообществ донских и кубанских казаков представляет определенный интерес в ходе изучения направлений и приемов советской социальной инженерии. Центральным элементом источниковой базы выступают периодические издания 1930-х гг., а ведущими методами исследования – сравнительно-исторический и историко-генетический.

Результаты исследования. Установлено, что пресса активно использовалась в СССР для формирования в сознании населения позитивного облика ударников, стахановцев и других представителей «советской знати». С этой целью в периодике публиковались фото «знатных людей» и рассказы о них самих и их достижениях.

Обсуждение и заключение. Клишированный образ «героя» включал в себя такие черты, как принадлежность к определенной социально-профессиональной группе (колхозникам, рабочим и т. д.), демократизм, верность советской власти, и т. п. Периодика Азово-Черноморского края, как и всего СССР, использовала эти клише при создании образов «знатных людей». Усилия прессы давали свои плоды, одним из свидетельств чему является развитие стахановского движения в СССР.

Ключевые слова: Азово-Черноморский край, кампания «за советское казачество», «знатные люди», «новые люди» СССР, пресса, «советская знать», социальная инженерия

Для цитирования. Шишова Н.В., Бондарев В.А. Портрет героя: «знатные люди» Азово-Черноморского края в изображении советской прессы (1934–1937 гг.). *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(3):53–61. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-3-53-61>

Original Theoretical Research

Portrait of a Hero: “Notable Figures” of the Azov-Black Sea Region as Depicted in the Soviet Press (1934–1937)

Natalya V. Shihova^{ID}✉, Vitaly A. Bondarev^{ID}

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ nshishova@donstu.ru

Abstract

Introduction. This publication examines the role of the Soviet press as one of the key instruments of social engineering aimed at creating a generation of “new people” in the USSR: builders of socialism and adherents of the communist

ideal. The scientific and theoretical relevance of this issue stems from the insufficient (and, often, biased and politicized) coverage of it in the literature. This topic also has practical significance, as the experience accumulated in the USSR regarding the patriotic education of younger generations remains relevant today. The aim of this study is to examine the characteristics of the “new man” that took shape in the USSR in the 1930s and to analyze the methods used by the editorial boards of Soviet periodicals to promote his creation.

Materials and Methods. This article is based on materials from the Azov-Black Sea Region, which, due to the presence of large communities of Don and Kuban Cossacks, is of particular interest in the study of the directions and methods of Soviet social engineering. Periodicals from the 1930s form the core of the source base, while the primary research methods employed are the comparative-historical and historical-genetic approaches.

Results. It has been established that the press was actively used in the USSR to shape a positive image of shock workers, Stakhanovites, and other members of the “Soviet elite” in the public consciousness. To this end, periodicals published photographs of these “notable individuals” along with stories about them and their achievements.

Discussion and Conclusion. The stereotypical image of a “hero” included such traits as belonging to a specific socio-professional group (collective farmers, workers, etc.), democratic values, loyalty to the Soviet government, and so on. The press in the Azov-Black Sea region, like that throughout the USSR, used these clichés when creating images of “notable people”. The press’s efforts bore fruit, as evidenced in part by the development of the Stakhanovite movement in the USSR.

Keywords: Azov-Black Sea Region, the “For the Soviet Cossacks” campaign, “notable people”, “new people” of the USSR, the press, “Soviet nobility”, social engineering

For Citation. Shihova N.V., Bondarev V.A. Portrait of a Hero: “Notable Figures” of the Azov-Black Sea Region as Depicted in the Soviet Press (1934–1937). *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(3):53–61. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-3-53-61>

Введение. Важнейшей задачей большевиков после их триумфального прихода к власти в октябре 1917 г. являлось построение нового, социалистического общества, «создание нового мира и нового человека» [1, с. 8]. Уверенность в скором выполнении данной задачи помогла сторонникам «красного лагеря» выстоять и победить в ожесточенных сражениях Гражданской войны. Устремленность в социалистическое будущее никоим образом не подвергалась сомнению и в период нэпа, являвшийся для компартии временем вынужденных компромиссов и уступок капиталистической стихии. А на рубеже 1920–1930-х гг. И.В. Сталин и его сторонники попытались вновь, – и на сей раз успешно, – воплотить в жизнь свои представления о социализме, развернув грандиозные преобразования, традиционно именуемые советской (сталинской) модернизацией.

Согласно распространенному и обоснованному мнению, данные преобразования представляли собой не просто очередной этап характерной для нашей страны «догоняющей» модернизации, но попытку социальной инженерии, «уникальный пример масштабного целенаправленного конструирования нового общества» [2, с. 18]. По этой причине результаты осуществленной в 1930-х гг. в СССР модернизации не ограничивались мощной индустрией, развитым сельским хозяйством, широкой сетью многочисленных научных, педагогических, культурных, медицинских учреждений, но были гораздо более обширны и глубоки. В ходе модернизации были заложены основы социально-экономического устройства СССР, сохранявшиеся практически в неизменном виде на протяжении полувека. Еще одним результатом социальной инженерии, практиковавшейся компартией в 1920–1930-е гг., стало появление в СССР новой генерации – «нового советского человека» [3, с. 180].

Поскольку «новые люди» в СССР 1920–1930 гг. являлись не побочным итогом модернизации, а закономерным результатом целенаправленной инженерии, данный феномен неоднократно анализировался как в отечественной, так и зарубежной научной литературе. Советскими исследователями человек 1920–1930-х гг. – современник и участник «великих строек социализма» – трактовался двояко. Его правомерно характеризовали как созидателя социализма, который «преобразовывал окружающий мир и одновременно менял самого себя» [4, с. 408], переживал процесс психологического перерождения, избавляясь от доминант и пережитков капиталистической психологии и приобретая черты сознания, присущего социалистическому обществу. Одним из ярких примеров подобных трансформаций выступало крестьянство, которое под влиянием коллективизации превратилось, согласно заявлениям И.В. Сталина, из «мелкой буржуазии» в один из двух классов социалистического общества [5, с. 8–9].

В целом советские авторы концентрировали внимание на принципах и методах формирования «новых людей» в СССР и выявлении их социально-психологических характеристик, позволявших говорить о гражданах страны Советов как о качественно новой, ранее не существовавшей, общности. «Новый советский человек» представлял как носитель социалистических идей, как инициативная, свободная личность, интернационалист, выступающий за дружбу народов и против любых форм угнетения [6, 7, 8].

В противовес советским подходам, в зарубежной литературе были абсолютизированы совершенно иные трактовки возникшего в СССР «нового человека». Таковой изображался как рабский винтик безжалостной тоталитарной машины, лишенный свободы и полностью зависимый от государства. Подобное восприятие было присуще не только западным исследователям [1, 9, 10], но и в еще большей степени советским диссидентам, эмигрировавшим (или высланным) за границу [11, 12]. Некой квинтэссенцией негативистского подхода к пониманию сущности

советского человека стало широкое распространение в зарубежной литературе понятия *homo soveticus*, использовавшегося «в унижительном и презрительном... смысле» [12, с. 31].

Во времена «перестройки» в 1990-х – начале 2000-х гг. отечественные ученые, как правило, некритично транслировали нарративы о том, что *homo soveticus* есть «существо довольно гнусное» [12, с. 31]. Одним из наиболее показательных случаев подобного эпигонства являются публикации Ю.А. Левада, который, в частности, изображал советского человека как существо, изолированное «железным занавесом» от внешнего мира, находящееся под плотным контролем государства, не помнящее своих исторических корней, закомплексованное и агрессивное [13, 14]. В это время глубокий анализ методов формирования в СССР «нового человека» и его сущностных характеристик был подменен огульным очернением советской эпохи, доходившим до её демонизации.

На протяжении 2000-х гг. негативистские трактовки советского проекта подвергаются обоснованной критике. Так, О.В. Милаева правомерно указывает, что растиражированный в западной, «перестроечной» и постсоветской историографии обобщенный образ «советского человека» как «бездушного, запуганного системой, коррумпированного и склонного к доносительству, полного страха и лишённого интеллектуальной инициативности...» индивида вступает в явное противоречие с многообразием исторической действительности [15, с. 249]. Подвергая сомнению вышеозначенные негативные клише, ученые сосредоточили усилия на глубоком и всестороннем анализе процесса становления советского общества во всей его противоречивости. В целом ряде исследований проанализированы использовавшиеся в СССР методы социальной инженерии и воспитания подрастающих поколений, динамика государственных подходов к формированию «нового советского человека», результативность этих усилий, особенности культурного кода советского общества, доминанты общественного сознания, и пр. [15, 16, 17].

Несмотря на итоги многолетних научных исследований, проблематика становления советского общества и возникновения «нового человека» в СССР 1920–1930 гг. столь обширна и сложна, что нуждается в дальнейшем обстоятельном изучении. Всесторонний анализ отмеченных процессов позволит лучше понять их механизмы и полностью отказаться от огульного негативизма (равно как и от некритичной лакировки) в отношении методов и результатов советской социальной инженерии. Осмысление приемов создания «новых людей» в СССР имеет значение и с прикладной точки зрения. В частности, накопленный в советский период огромный опыт патриотического (в том числе, военно-патриотического) воспитания подрастающих поколений весьма востребован в наши дни, когда одним из важнейших условий стабильного развития России является единение общества и налаживание активной воспитательной работы государства среди молодежи.

Исходя из вышеизложенного, в рамках представленной публикации мы предприняли попытку провести анализ приемов конструирования генерации «новых людей», применявшихся в Советском Союзе на протяжении 1930-х гг. Объектом настоящей работы выступают технологии социальной инженерии в СССР. Предмет исследования – советская пресса 1930-х гг. как мощный агитационно-пропагандистский инструмент, который, помимо прочего, широко применялся правившей в СССР компартией в целях формирования «нового человека».

Материалы и методы. Исследование проведено на материалах Азово-Черноморского края, существовавшего в 1934–1937 гг. и объединявшего в своих административных границах обширные территории Дона, Кубани и Адыгеи. Привлечение региональных южно-российских материалов позволяет детализировать наши представления о применявшихся в СССР в 1930-х гг. технологиях создания «нового человека» путем выявления местных особенностей, которые, порой, приобретали столь серьезное значение, что становились основой для отдельных вариантов (направлений) социальной инженерии. В данном случае важно указать на наличие в пределах Азово-Черноморского края крупных сообществ донских и кубанских казаков, которые в 1920–1930 гг. сохраняли, пусть и в сильно ослабленном виде, свою социокультурную специфику и составляли заметную долю трудовых ресурсов края. Хотя большевики со времен Гражданской войны относились к казакам с недоверием, они не могли игнорировать значительный военный и экономический потенциал казачества и стремились использовать его в интересах советского государства. С этой целью в 1936 г. в СССР развернулась кампания «за советское казачество», которая, как будет показано далее, проводилась с использованием технологий социальной инженерии.

Центральным звеном источниковой базы настоящей работы, помимо опубликованных документов, свидетельств и воспоминаний современников, материалов выступлений партийных деятелей, являются периодические издания 1930-х гг. В рассматриваемый период времени пресса была не только наиболее распространенным средством массовой информации, но и мощным инструментом «идеологического воздействия» [18, с. 4] на сознание населения. Периодика играла важную роль в агитации, пропаганде, формировании общественного мнения, воспитании подрастающих поколений в СССР. Наряду с этим пресса представляла собой действенное средство в рамках создания «нового человека». В газетах и журналах пропагандировалось «социалистическое отношение к труду» (в частности, воспевались достижения ударников и стахановцев), размещались фотографии знаменитых людей Советского Союза, которые выступали в качестве образцов «нового человека» и на которых должны были равняться рядовые граждане.

Нами были проанализированы публикации и материалы из центральных и региональных периодических изданий 1930-х гг. В первую очередь отметим журналы «СССР на стройке» и «Наши достижения», относившиеся к числу наиболее известных и солидных советских изданий 1930-х гг., призванных освещать успехи социалистического строительства и созидания нового общества в стране Советов. В особенности сказанное относится к «СССР

на стройке», представлявшему собой великолепно иллюстрированный, содержавший огромное количество фотографий журнал, оказывавший огромное влияние не только на советскую, но и зарубежную аудиторию. Среди региональной прессы отметим журналы «Колхозный путь» и «Колхозница», являвшиеся печатными органами Азово-Черноморского крайкома ВКП(б), и газету «Молот», также принадлежавшую к периодике краевого уровня. Все эти издания содержат массив информации о процессах формирования «нового человека» в СССР.

В теоретико-методологическом плане базисом настоящего исследования выступают положения проектного подхода, основанного на идеях социального проектирования. С позиций данного подхода советское общество предстает как «результат целенаправленной деятельности людей, движимых социалистической идеей, мифологически преломленной в их сознании» [2, с. 16]. Соответственно, и процесс формирования «нового человека» в СССР выглядит как сознательно инициированный, осуществлявшийся и контролировавшийся идеологами компартии, в том числе и с помощью прессы. Ведущими методами исследования являются сравнительно-исторический и историко-генетический. Отмеченные методы позволяют выявить как базовые, неизменные принципы и постулаты практиковавшейся большевиками социальной инженерии, так и динамику подходов и методов воздействия на общественное сознание и создания «нового человека», применявшихся в СССР (и, в том числе, в южно-российских регионах) в 1920–1930-е гг.

Результаты исследования. Специалисты обоснованно указывают, что подходы большевистского руководства к конструированию «нового человека» существенно видоизменялись на протяжении 1920–1930-х гг. В первое постоктябрьское десятилетие «новый человек» представлялся большевистским идеологам в виде «человека освобожденного труда как новой исторической фигуры» [19, с. 8]. Причем в отмеченный период времени данный субъект выступал обезличенным и воспринимался как некий атом, некая частица коллектива, лишенная индивидуальности; коллективизм безоглядно доминировал над индивидуализмом.

«Новый человек» 1920-х гг. выступал в образе не только освобожденного труженика, но и беззаветного борца за «светлое будущее». Чрезвычайно характерны заявления одного из старейших большевиков, «совести партии», А.А. Солнца о том, что «мы должны готовить из себя борцов», способных «сокрушить капиталистический мир» [3, с. 195]. В этой связи в прессе и литературе тех лет постоянно звучали такие эпитеты будущих «новых людей», как «каменные», «железные», «стальные» [20, с. 365–366].

В 1930-х гг. подходы к конструированию «нового человека» существенно меняются: на смену безликой масковидности приходит индивидуальность. «Новые люди» 1930-х гг. мыслятся как личности, наделенные сильной волей, способные к героизму в труде и бою, к преодолению трудностей, к самопожертвованию. Одним из проявлений этой тенденции становится формирование культа личности И.В. Сталина, создававшего «драматический контраст с прежним почитанием анонимных масс, классов и партии» [10, с. 138]. Одновременно происходит отказ от «железного», бесчувственного героя, каковым мыслился «новый человек» 1920-х гг. В 1930-х гг. герои становятся более одушевленными, они «очеловечиваются», «утепляются» [20, с. 365].

Все же наряду с вышеозначенными трансформациями технологии конструирования «нового человека» в 1930-х гг. сохраняли сильную преемственность с предшествующим этапом. «Новый человек» («герой») 1930-х гг., хоть и был наделен индивидуальностью, не противопоставлялся коллективу и, более того, имел «значение лишь в некой общности» [20, с. 378], будь то общность социальная (рабочие, колхозники) или профессиональная, – трактористы, шахтеры, летчики и т. п. Как и ранее, человек 1930-х гг. должен был быть борцом, устремленным в социалистическое будущее и готовым ради этой великой цели преодолевать материальные лишения и бытовые неудобства. Ю.А. Жуков в своей книге «Люди 30-х годов» верно замечал, что «хотя им и жилось очень трудно, они не хныкали, работали страстно и самозабвенно, проявляя какую-то спартанскую отреченность от мирской корысти...» [21, с. 112]. «Обновленный «новый человек»» как сильная целеустремленная личность, освобожденная от эксплуатации и представлявшая самый передовой общественный строй, должен был успешно выполнить поставленные перед СССР грандиозные задачи, – индустриализацию, коллективизацию, «культурную революцию», – которые не мог реализовать человек капиталистического Запада, являвшийся носителем отсталых буржуазных ценностей [3, с. 201–202].

Советская пресса 1930-х гг. активно пропагандировала образы героев первых пятилеток, размещая на своих страницах их фотографии, жизнеописания, призывы к соотечественникам следовать их примеру. Ведь эти герои рассматривались как желаемый образец «нового человека», растущего в СССР одновременно с социализмом. Их образы олицетворяли социальный и технический прогресс, с которым ассоциировалась советская власть и который укреплял привлекательность и легитимность этой власти в глазах населения.

Так, в восьмом номере журнала «СССР на стройке» за 1935 г., посвященном строительству московского метро, можно увидеть фотографии молодых метростроевцев, получивших правительственные награды за трудовую доблесть: Вазыха Замалдинова, награжденного орденом Красной Звезды, Краевского и Яремчука, награжденных орденом Ленина [22, с. 19, 21]. После развертывания стахановского движения в прессе тиражировались фотографии самого А.Г. Стаханова и его последователей. В частности, журнал «Наши достижения» откликнулся на рекорд зачинателя стахановского движения, поместив в первом номере за 1936 г. его портрет, а также совместное фото Стаханова и М.Д. Дюканова, установившего новый рекорд добычи угля [23, с. 6, 22].

Причем произошедший на рубеже 1920–1930-х гг. пересмотр подходов к конструированию образа «нового человека» значительно облегчал для прессы выполнение пропагандистских задач. Конкретного человека гораздо легче было воспевать, чем аморфную «массу», особенно если он (или она) был фотографичен. Гораздо сильнее было и вдохновляющее воздействие того или иного героя на аудиторию, поскольку таковой являлся живым человеком, а не абстрактным символом. Зачастую воздействие это было адресным, поскольку, как уже отмечалось, при всей индивидуальности, тот или иной герой являлся представителем своей социально-профессиональной группы: Стаханов и Дюканов выступали в качестве примера для шахтеров, Мария Демченко – для свекловодов, Макар Мазай – для сталеваров и т. д. Их выдающиеся достижения должны были стимулировать остальных граждан СССР на схожие трудовые подвиги.

Добавим, что анализ советской прессы позволяет говорить о наличии определенной иерархии «героев», на вершине которой находился Сталин. Он, разумеется, обладал статусом, несравненно более высоким, чем героический. Сталин изображался в образе «вождя», мудрого «учителя» и наставника «героев». Ниже находились менее крупные большевистские «вожди», в ранге ближайших сподвижников Сталина – Л.М. Каганович, В.М. Молотов и др. Еще ниже следовали партийно-советские чиновники республиканского и регионального уровня, а основание этой иерархической пирамиды составлял рядовые «герои», получившие в громкое наименование «советская знать» («знатные люди»).

Прекрасный образец подобной иерархии содержится в первом номере «СССР на стройке» за 1934 г. Номер был посвящен вводу в эксплуатацию Бобриковского энергохимического комбината в Подмосковье и открывался огромной, на всю страницу, фотографией Сталина и Кагановича. На следующих страницах (с третьей по восьмую) следовали надписи, складывавшиеся в одно предложение: «Партия... хозяйственники... специалисты... ударники... строят... Бобрики... на базе подмосковного угля». Под надписями содержались фотографии, на которых, соответственно, были запечатлены партийные функционеры и хозяйственники (секретарь Московского комитета компартии К.В. Рындин, председатель Мособлисполкома Г.Н. Каминский, заместитель наркома тяжелой промышленности Г.Л. Пятаков и др.), «твердо по-большевистски» ведущие «строительство к успешному окончанию», специалисты и передовики строительных работ [24, с. 2–8].

Обсуждение и заключение. Пресса Азово-Черноморского края придерживалась установленных канонов, популяризируя и прославляя «знатных людей» Дона и Кубани. Большое внимание уделялось как Сталину и другим членам Политбюро ЦК ВКП(б), так и «вождям» Азово-Черноморья, олицетворявшим здесь советскую власть. На страницах местных изданий публиковались речи партийно-советских работников краевого уровня и помещались их фотографии. Как было принято в данное время, представители власти изображались в подчеркнуто демократичных костюмах: френчах (мода на которые была задана Сталиным), пиджаках, гимнастерках, рубашках-косоворотках, кепках. Так, первый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев носил пиджак, косоворотку, а внешне, – прической и усами, – походил на Сталина [25, с. 3; 26, с. 1]. Вероятно, это сходство не было случайным, поскольку такими же деталями внешности обзавелись и другие партийные функционеры, подражавшие Генеральному секретарю ЦК ВКП(б). Как замечает Р.А. Медведев, тот же Каганович в 1930 г. носил бородку, но вскоре оставил одни усы, по примеру Сталина [27, с. 99–100].

Когда в прессе публиковались биографии большевистских «вождей», там акцентировалось внимание на их «правильном» социальном происхождении из народных низов и заслугах в борьбе за советскую власть. Знакомя своих читателей в 1937 г. с новым первым секретарем Азово-Черноморского крайкома ВКП(б), сменившим на этом посту Шеболдаева, – Е.Г. Евдокимовым, – журналисты утверждали, что он происходит из семьи железнодорожного рабочего [28, с. 3] (по другим данным, новый лидер края был сыном крестьянина-бедняка и родился, «когда отец отбывал солдатчину, а мать работала кухаркой и прачкой» [29, с. 4]). Отмечалось, что уже подростком он принимал участие в революционной борьбе, а во время Гражданской войны стал сотрудником ЧК [29, с. 4].

Сходная схема применялась и при публикации в прессе материалов о тех или иных «знатных людях» Азово-Черноморья, прославившихся трудовыми достижениями. Зачастую они фотографировались в обычной одежде, которую носили дома и на работе. Так, журнал «Колхозница» содержит массу фотографий женщин, – членов колхозов Азово-Черноморского края, добившихся высоких показателей в производственной и общественной деятельности. Обычно они запечатлены на фото в платках, косынках, блузках и кофточках, юбках: в тех же костюмах, в которых работали на колхозных полях. Таковы одеяния звеньевых колхоза «1 Мая» Белореченского района Ягуновой, Дукановой, Земляковой и др. [30, с. 18–19], казачки-комсомолки Нины Сухининой, председателя передового Ковалевского сельсовета Зверевского района [31, с. 11], и т. д. Костюм должен был указать на социально-профессиональную принадлежность тех или иных «знатных людей» Дона и Кубани, продемонстрировать их демократизм, показать, что они неотъемлемая часть советского народа.

Не менее распространенным приемом являлась демонстрация высокой социальной мобильности в СССР, которая, безусловно, представляла собой одно из неоспоримых достоинств советского общества. В прессе подчеркивалось, что на смену крестьянину-единоличнику как доминировавшему в старой деревне социальному типу, в 1930-х гг. пришло разнообразие профессий, причем их представители – это «совершенно новые люди», обладающие более высокой культурой, широким кругозором, большими возможностями развития [32, с. 82–83]. Ударники и передовики производства не только снабжались по более высоким нормам, но и могли повысить уровень обра-

зования и добиться карьерного роста. Об этом, в частности, свидетельствует одна из фотографий в журнале «Колхозница», на которой мы видим «инструктора по раздойке коров» Н.П. Николенко. Подпись под фото гласит, что Николаенко – молодая девушка лет 25 – награждена за свои трудовые достижения орденом и «начала заниматься в школе бригадиров животноводства» при племхозе «Артемовец» Шахтинского района Азово-Черноморского края. Костюм Николенко отражает ее возросший социальный статус: она запечатлена за партой, в пиджаке, на голове у нее модная прическа [31, с. 6].

Кроме того, «знатные люди» СССР становились участниками всесоюзных слетов и форумов, а также избирались в состав органов власти. Так, на состоявшемся в феврале 1936 г. Всесоюзном совещании передовиков животноводства присутствовали 28 донских колхозников-ударников, в том числе заведующий фермой колхоза «Серп и молот» Вешенского района М.В. Зеленков, табунщик колхоза «Донской скакун» Тарасовского района В.Е. Манохин, чабан колхоза им. Фрунзе Орловского района В.А. Молчанов и др. [33, с. 271]

Упомянутое Всесоюзное совещание передовиков животноводства в феврале 1936 г. являлось одним из стартовых мероприятий политической кампании «за советское казачество», развернувшейся в том же месяце. По обоснованному мнению А.П. Скорика, данная кампания осуществлялась как одно из направлений большевистской социальной инженерии и «носила характер социального конструирования казачества» [34, с. 328–329]. В рамках кампании речь шла не о восстановлении сословного статуса казачества, а именно о создании нового, советского казачества, в состав которого могли войти не только собственно казаки, но и лица, в досоветские времена принадлежавшие к иногородним; то есть речь шла о некоем «оказачивании» населения южно-российских регионов [34, с. 324].

В ходе кампании «за советское казачество» в прессе появился новый образ – казака-колхозника. Газеты и журналы стали публиковать заверения казаков в том, что «на перепаханной революцией донской земле выросли новые люди, советские казаки, которые уже не оглядываются назад» [35, с. 1]. Ударники и стахановцы из казачьих колхозов фотографировались в традиционном костюме – фуражке, гимнастерке, шароварах с лампасами. В частности, на одном из фото в журнале «Колхозный путь» мы видим И.Е. Хромушина – председателя колхоза «Донской скакун» Тарасовского района. Колхоз прославился в СССР во время кампании «за советское казачество» как родина военно-спортивного движения «ворошиловских кавалеристов», цель которого заключалась в подготовке для кавалерийских частей РККА обученного резерва. «Донской скакун» являлся казачьим колхозом, что демонстрировал своим костюмом Хромушин: он сфотографирован в шинели и фуражке [36, с. 26]. М.А. Даниленко, комбайнер Хлебоборобненской МТС Целинского района, позировал фотографу в пиджаке, но при этом – в казачьей фуражке [37, с. 35].

Характерное для 1930-х гг. «очеловечивание героя» не обошло стороной и периодическую печать Азово-Черноморья. Разумеется, главная задача журналистов, писавших о трудовых подвигах «знатных людей» Азово-Черноморского края, заключалась в том, чтобы их примеру последовали массы рядовых тружеников. Но поскольку речь шла о живых людях, пусть и получивших статус «героя», пресса писала об их повседневной жизни, повышении материального уровня, привязанностях и т. п. Примером такого «очеловечивания» является фотография в журнале «Колхозный путь», на которой запечатлен орденосец-бригадир тракторной бригады Ново-Поповской МТС Литвишко в неформальной обстановке: он катает на велосипеде свою двухлетнюю дочь Раю [37, с. 9]. В одном из номеров газеты «Молот» за март 1936 г. был помещен репортаж о Вере Куркиной – молодой казачке из вышеупомянутого колхоза «Донской скакун». Вера являлась активной участницей местной организации «ворошиловских кавалеристов», но, как молодая девушка, любила красивые наряды. По ее словам, она мечтала обзавестись модной шляпкой с цветочками, о чем и написал автор репортажа [38].

Иной раз публикации о «знатных людях» Азово-Черноморского края напоминают то, что сегодня принято называть репортажами из жизни «звезд». Весьма показательны публикации о Прасковье Ивановне Ковардак – «знатной трактористке» Канеловской МТС. Она родилась в крестьянской семье в 1913 г. и, в силу возраста (даже к исходу 1930-х гг. ей было 27 лет) современники именovali ее ласкательно-уменьшительно – Пашей Ковардак. Молодая красивая девушка привлекала внимание журналистов, которые писали не только о ее трудовых достижениях, но иногда о том, что можно назвать частной жизнью. В одном из номеров журнала «Колхозница» за 1937 г. была помещена фотография, на которой мы видим Пашу Ковардак в свитере и спортивном трико, стоящей рядом с мускулистым парнем на мотоцикле. Подпись под фото сообщает читателю, что «орденоска» Паша Ковардак отдыхала в Сочи и перед отъездом в Москву (где она училась в сельхозакадемии им. К.А. Тимирязева) посетила родную станицу «проведать своих товарищей по работе». А молодой человек, рядом с которым сфотографировали Пашу, – это не менее выдающийся, чем она, комбайнер той же Канеловской МТС Трофим Костенко [39, с. 9]. Несмотря на официально-нейтральную подпись под фото, здесь налицо интерес к Паше не как к известной трактористке, а как красивой, интересной женщине.

Итак, среди методов социальной инженерии, практиковавшихся большевиками в 1930-х гг., концепция «героя» занимала весьма важные позиции. Герои, получившие свой статус в связи с выдающимися достижениями в трудовой, научной, общественной деятельности, своим примером подтверждали теоретико-идеологические постулаты большевизма о том, какие огромные возможности открываются перед освобожденным индивидом в рамках передовой общественной системы. Одновременно советские герои («знатные люди»), – будь то передовики и ударники первой пятилетки, А.Г. Стаханов и его многочисленные последователи, В.П. Чкалов и другие

бесстрашные авиаторы, и т. д., – выступали как желаемый образец «нового человека», формировавшегося в СССР в ходе социалистических преобразований.

Советская пресса как одно из важнейших средств массовой информации активно использовалась для популяризации как самих «знатных людей», так и их достижений. Пример советской «знати» должен был вдохновить широкие массы граждан СССР на трудовые подвиги и, в перспективе, содействовать формированию генерации «новых людей». К выполнению означенных задач привлекалась и периодика Азово-Черноморского края, регулярно публиковавшая разнообразные материалы о передовиках, ударниках и других «знатных людях» Дона, Кубани и Адыгеи. Во второй половине 1930-х гг. к этим материалам добавились публикации о «советских казаках», которые стали рассматриваться как одна из категорий «новых людей» в связи с развертыванием в данное время масштабной политической кампании «за советское казачество».

Анализ публиковавшихся в газетах и журналах 1930-х гг. материалов о «знатных людях» Азово-Черноморья позволяет выявить принципы, которых придерживались советские журналисты при создании образа героя. «Знатные люди» должны были быть выходцами из народа и демонстрировать демократизм и связь с определенной социально-профессиональной группой (колхозниками, механизаторами, рабочими и т. п.), для чего на фото они изображались, как правило, в обычных рабочих костюмах. Не менее важно было показывать присущую СССР высокую социальную мобильность, когда передовики производства могли повысить уровень образования и квалификацию, получить более престижную работу или войти в состав органов власти. Подчеркивалась как приверженность «знатных людей» советской власти, так и тот факт, что их заслуги, достижения, повышение уровня жизни и карьерный рост возможны только при этой власти.

Усилия советской печати, и в том числе периодических изданий Азово-Черноморского края, по созданию привлекательного образа «знатных людей» и популяризации их достижений приносили свои плоды. «Знатные люди» как образец «нового советского человека» становились примером для значительной части общества, свидетельством чего является, в частности, повсеместное развитие стахановского движения. В грозные же годы Великой Отечественной войны множество граждан СССР, воспитанных на примере «новых людей» 1930-х гг., самоотверженно встали на защиту своей Родины.

Список литературы / References

1. Фицпатрик Ш. *Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город*. Москва: РОССПЭН; 2001. 332 с.
2. Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism. Ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s*. Moscow: ROSSPEN; 2001. 332 p. (In Russ.)
3. *Раннесоветское общество как социальный проект (1917–1930-е гг.)*. В двух частях. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика. Под общ. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург: изд-во Уральского университета; 2018. 468 с.
4. *Early Soviet Society as a Social Project, 1917–1930s*. Part 1. The Land of the Soviets: Space, Power, Economy. Edited by L.N. Mazur. Yekaterinburg: Ural University Press; 2018. 468 p. (In Russ.)
5. *Раннесоветское общество как социальный проект (1917–1930-е гг.)*. В двух частях. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение. Под общ. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург: изд-во Уральского университета; 2019. 462 с.
6. *Early Soviet Society as a Social Project, 1917–1930s*. Part 2. The Land of the Soviets: Space, Power, Economy. Edited by L.N. Mazur. Yekaterinburg: Ural University Press; 2019. 462 p. (In Russ.)
7. Макарова Н.Н. «Новый» человек на Магнитострое: повседневность и формирование советской идентичности. В сб. *Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации*. Под ред. О.В. Горбачева и Л.Н. Мазур. Екатеринбург: изд-во Уральского университета; 2018. С. 408–418.
8. Makarova N.N. The “New” Man at Magnitostroi: Everyday Life and the Formation of Soviet Identity. *The Soviet Project, 1917–1930s: Stages and Mechanisms of Implementation*. In: Collection of Scientific Papers. Edited by O.V. Gorbachev and L.N. Mazur. Yekaterinburg: Ural University Press; 2018. pp. 408–418. (In Russ.)
9. Сталин И.В. *О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Съезде Советов 25 ноября 1936 г.* Москва: Партиздат ЦК ВКП(б); 1936. 47 с.
10. Stalin I.V. *On the Draft Constitution of the Union of Soviet Socialist Republics. Report to the Eighth Extraordinary Congress of Soviets, November 25, 1936*. Moscow: Partizdat, Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks); 1936. 47 p. (In Russ.)
11. Гак Г.М. *Формирование нового человека*. Москва: Высшая партийная школа при ЦК КПСС; 1962. 64 с.
12. Gak G.M. *The Formation of the New Man*. Moscow: Higher Party School attached to the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union; 1962. 64 p. (In Russ.)
13. Смирнов Г.Л. *Советский человек. Формирование социалистического типа личности*. Москва: Политиздат; 1971. 376 с.
14. Smirnov G. *Soviet Man: The Making of a Socialist Type of Personality*. Moscow: Politizdat; 1971. 376 p. (In Russ.)

8. Лифшиц М.А. Нравственное значение Октябрьской революции. Лифшиц М.А. *Сочинения. Том III*. Москва: Изобразительное искусство; 1988. С. 230–258.
- Lifshitz M.A. The Moral Significance of the October Revolution. *Collected Works. Volume III*. Moscow: Fine Arts; 1988. pp. 230–258. (In Russ.)
9. Виола Л. *Крестьянский ГУЛАГ. Мир сталинских спецпоселений*. Москва: РОССПЭН; 2010. 335 с.
- Viola L. *The unknown gulag: the lost world of Stalin's special settlements*. Moscow: ROSSPEN; 2010. 335 p. (In Russ.)
10. Дэвис С. *Мнение народа в сталинской России. Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941*. Москва: РОССПЭН; 2011. 231 с.
- Davies S. *Popular opinion in Stalin's Russia : terror, propaganda, and dissent, 1934–1941*. Moscow: ROSSPEN; 2011. 231 p. (In Russ.)
11. Геллер М.Я. *Машина и винтики. История формирования советского человека*. Москва: МИК; 1994. 335 с.
- Geller M. *Cogs in the wheel : the formation of Soviet man*. Moscow: MIK; 1994. 335 p. (In Russ.)
12. Зиновьев А.А. *Гомо советикус. Пара беллум*. Москва: Московский рабочий; 1991. 414 с.
- Zinoviev A. *Homo Sovieticus. Para Bellum*. Moscow: Moskovski rabochi; 1991. 414 p. (In Russ.)
13. Левада Ю.А. *Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х*. Москва: Мировой океан; 1993. 300 с.
- Levada Yu.A. *Soviet Simple Man: An Attempt of Sociological Portrait at the Turn of 90s*. Moscow: Mirovoy Okean; 1993. 300 p. (In Russ.)
14. Левада Ю.А. «Человек советский»: проблема реконструкции исходных форм. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2001;2:7–16.
- Levada Yu.A. The Soviet Man: The Problem of Reconstructing the Original Forms. *Public opinion monitoring: Economic and Social changes*. 2001;2:7–16. (In Russ.)
15. Милаева О.В. Homo soveticus: обыкновенная история. *Взгляд через столетие: революционная трансформация 1917 года (общество, политическая коммуникация, философия, культура)*. В: Сб. статей Всеросс. науч.-практ. конф. Пенза, 29–30 сентября 2017 г. Под ред. О.В. Милаевой, О.В. Черновой. Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosfera-CZ»; 2017. С. 243–263. <https://doi.org/10.24045/conf.2017.1.24>
- Milaeva O.V. Homo Sovieticus: ordinary history. *A glance through the century: the revolutionary transformation of 1917 (society, political communication, philosophy, culture)*. In: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference marking the 100th anniversary of the Great October Socialist Revolution. Prague: Vědecko vydavatelské centrum “Sociosfera-CZ”; 2017. pp. 243–263. (In Russ.) <https://doi.org/10.24045/conf.2017.1.24>
16. Панков Н.П. *Советский человек. Воспитание новой молодежи. 1920–1930-е годы*. Москва: URSS; 2019. 193 с.
- Pankov N.P. *The Soviet Man: The Education of a New Generation, 1920s–1930s*. Moscow: URSS; 2019. 193 p. (In Russ.)
17. *Человек советский: за и против*. Под общ. ред. Ю.В. Матвеевой, Ю.А. Русиной. Екатеринбург, изд-во Уральского ун-та; 2021. 412 с.
- Homo Sovieticus: pro et contra*. Edited by Yu. V. Matveeva and Yu. A. Rusina. Yekaterinburg: Ural University Press; 2021. 412 p. (In Russ.)
18. Танцевова А.В. «Герой нашего времени» – викторина журнала «Огонёк»: конструирование образа «нового человека» в 1920-е годы. *Гуманитарные и юридические исследования*. 2019;1:179–185.
- Tantsevova A.V. “The hero of our time” quiz in Ogoniok weekly: practices of constructing the image of a new man in the 1920s. *Humanities and law research*. 2019;1:179–185. (In Russ.)
19. Мельников В.В., Лазарева Л.А. Введение. *В сб. документов: Культурное строительство на Дону (1920–1941 гг.)*. Ростов-на-Дону; 1981. С. 3–24.
- Melnikov V.V., and Lazareva, L.A. Introduction [to a collection of documents and materials]. *Cultural Development in the Don Region (1920–1941)*. In: Collection of Documents. Rostov-on-Don; 1981. pp. 3–24. (In Russ.)
20. Мунипов В.М. Предисловие [к сборнику текстов]. *История советской психологии труда. Тексты (20–30-е годы XX века)*. Под ред. В.П. Зинченко, В.М. Мунипова, О.Г. Носковой. Москва: Наука; 1983. С. 3–36.
- Munipov V.M. Preface [to a collection of texts]. *A History of Soviet Psychology of Work. Texts (1920s–1930s)*. Edited by V.P. Zinchenko, V.M. Munipov and O.G. Noskova. Moscow: Nauka; 1983. pp. 3–36. (In Russ.)
21. Гудкова В.В. *Рождение советских сюжетов. Типология отечественной драмы 1920-х–начала 1930-х годов*. Москва: Новое литературное обозрение; 2008. 456 с.
- Gudkova V.V. *The Birth of Soviet Plots: A Typology of Russian Drama of the 1920s–Early 1930s*. Moscow: Novoe Literaturnoye Obozrenie; 2008. 456 p. (In Russ.)
22. Жуков Ю.А. *Люди 30-х годов*. Москва: Советская Россия; 1966. 462 с.
- Zhukov Yu.A. *People of the 1930s*. Moscow: Soviet Russia; 1966. 462 p. (In Russ.)
23. *СССР на стройке*. 1935;8.
- SSSR na stroyke*. 1935;8. (In Russ.)
24. *Наши достижения*. 1936;1.
- Nashi dostizheniya*. 1936;1. (In Russ.)
25. *СССР на стройке*. 1934;1.

- SSSR na stroyke*. 1934;1. (In Russ.)
 26. *Колхозный путь*. 1935;11.
Kolkhozny Put. 1935;11. (In Russ.)
 27. *Колхозный путь*. 1935;12.
Kolkhozny Put. 1935;12. (In Russ.)
 28. Медведев Р.А. *Они окружали Сталина*. Москва: Политиздат; 1990. 351 с.
 Medvedev R.A. *They Surrounded Stalin*. Moscow: Politizdat; 1990. 351 p. (In Russ.)
 29. Тов. Е.Г. Евдокимов. *Колхозный путь*. 1937;1:3.
 Comrade E.G. Evdokimov. *Kolkhozny Put*. 1937;1:3. (In Russ.)
 30. Ефим Георгиевич Евдокимов. *Колхозница*. 1937;11:4–5.
 Yefim Georgievich Yevdokimov. *Kolkhoznitsa*. 1937;11:4–5 (In Russ.)
 31. *Колхозница*. 1937;2.
Kolkhoznitsa. 1937;2. (In Russ.)
 32. *Колхозница*. 1937;3.
Kolkhoznitsa. 1937;3. (In Russ.)
 33. Гельфанд М. Новые люди и их профессии. *Наши достижения*. 1934;4:81–84.
 Gelfand M. New People and Their Professions. *Nashi Dostizhenia*. 1934;4:81–84. (In Russ.)
 34. *Очерки истории партийных организаций Дона*. Ч. 2. 1921–1971 гг. Ростов-на-Дону; 1973. 764 с.
Essays on the History of Party Organisations in the Don Region. Part 2. 1921–1971. Rostov-on-Don; 1973. 764 p. (In Russ.)
 35. Скорик А.П. *Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований*.
 Дисс. ... докт. ист. наук. Ставрополь; 2009. 540 с.
 Skorik A.P. *The Cossacks of Southern Russia in the 1930s: Historical Conflicts and Experiences of Reform*. Thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences. Stavropol; 2009. 540 p. (In Russ.)
 36. Письмо донской казачьей сотни. *Колхозный путь*. 1936;6:1.
 Letter from a Don Cossack hundred. *Kolkhozny Put*. 1936;6:1. (In Russ.)
 37. *Колхозный путь*. 1937;1.
Kolkhozny Put. 1937;1. (In Russ.)
 38. *Колхозный путь*. 1937;4–5.
Kolkhozny Put. 1937;4–5. (In Russ.)
 39. Данишевский М. Вера Куркина. *Молот*. 1936. 5 марта.
 Danishevsky M. Vera Kurkina. *Molot*. 1936. March 5. (In Russ.)
 40. *Колхозница*. 1937;8–9.
Kolkhoznitsa. 1937;8–9. (In Russ.)

Об авторах:

Шишова Наталья Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «История и культурология», Донской государственной технической университет (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), [ScopusID](#), nshishova@donstu.ru

Бондарев Виталий Александрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История и культурология», Донской государственной технической университет (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), [ScopusID](#), vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Shihova Natalya Vasilevna, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of History and Cultural Studies, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), [ScopusID](#), nshishova@donstu.ru

Bondarev Vitaly Alexandrovich, Ph.D (Advanced Doctorate) in History, Associate Professor, Professor of Department of History and Cultural Studies, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), [ScopusID](#), vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 02.07.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 16.07.2026

Принята к публикации / Accepted 17.07.2026